

ОКТЯБРЁВ ЕГОР

Судьбе мы вверились, а там и прослезились,
на рану капни перекись и божью милость,
но заживёт она зачем-то слишком скоро,
и нет её по документам, по приборам.

Да, заживёт от бед, и как нарочно,
не сделает никто тебе такую точно.
На метр погонный неба целый ломоть
весны, тоски бездонной, силы помнить.

Мы не уходим из родни, из этой ниши,
скажи мне тихо "извини", не извинившись.
Не стоит душу изливать, забудь и выжди,
Ведь в переводе на слова - давно молчишь ты.

Мой брат не родился, я вышел один как перст,
Но я слышу его подсказки в беседе тихой.
Где ж ему быть, если сейчас не здесь,
Кем ему стать, если не точной рифмой?

И некие тени, как водится, лезут со стен,
И ползут у кровати, где никто не лежит.
Там никому не снится, скажем, Тюмень,
Или какой-нибудь Геленджик.

Крепкие связи, в традиционном стиле,
Лучших тенденций семейного культа:
Я - вылитый он, а он - я вылитый,
Будто так нужно было наверху там.

И тысячи мыслей не помещаются в рот,
И по крови льётся ядерный джус.
Брат не родился и никогда не умрёт,
А я умру и никогда не рожусь.

ЗНАЙ

Знай, конфеты стали теперь несладкими,
Знай, что время из кошелька копейками,
И тоска не гнетёт с густыми осадками,
Собственно, как и с редкими.

И бывает, то много мы говорим, то изредка,
Или просто воском на скатерть капаем.
Не болит нисколько душа после вывиха,
Но и не лечится пластырем.

И ничто не колотит, не жмёт, не режется,
Не щечочет, не жжёт и не тинькает.
Тучи вместе зачем-то сегодня держатся,
Словно волосы твои резинкою.

И начнёшь вдруг подпевать этой песенке,
Поддаваться небытию с прологами.
Припекают на груди к ночи крестики —
Вот и ходим на груди с ожогами.

ПРИВИДЕНИЯ

Привидения не оставляют следов,
скребутся себе, гремят цепями, воют
и частенько сетуют на то,
что им жутко не нравится жить с тобою,
хотя выпивают твой алкоголь,

курят твои сигареты, открывают краны,
и разговор о том, что же не так с тобой
кажется утомительным и странным.

Утром захочешь кофе, поставишь чайник
и обнаружишь чашку свою разбитой,
рядом записка: всё это так, случайно,
дескать, призраки не бандиты.

И так проживёшь (проживёшь непременно)
десятки лет и как-то неожиданно
поймёшь, что пьёшь чужой алкоголь, проходишь сквозь стены,
Разбиваешь чашки и открываешь краны.

Я на пальцах одной руки,
пересчитаю пальцы одной руки,
охраняя линии знаковые,
и теснятся в джинсе медяки,
хожу, по углам, позвякиваю.

А время идёт крепко накрепко,
и держится за провода,
рядом дышит живая классика,
живая шляпа, живая вода...

А под солнцем одно занятие,
нащупать, что есть весна.
Не на то мне тень - извинять её,
в ней себя совсем не узнав.

Да понятно и без палитры,
что вокруг царят чудеса,
но я всё же пошёл на хитрость -

взял и открыл глаза.

На запасных путях ж/д станции “Анна”,
Стоит паровоз со звездой на носу,
как динозавр и кажется странным.
Не фоткай его, опиши на словах, нарисуй.

Можно спросить, как котёнка «чей ты?»,
или попробовать подкормить,
ручной паровоз, на который билеты,
если б они продавались – купить.

Где он колесил никто и не вспомнит —
концов не найти, углов не свести.
У паровоза был собственный домик —
Сто раз бесконечные ж/д пути.

Молчится нам здесь лишь о хорошем.
Но сказать бы, какой он красивый со стороны,
и что к нему под колёса-подошвы,
слетаются души железных дорог страны.